

5 - МАЯ 413

В СОЧИНСКОМ ГОСТЕАТРЕ

ВЕЧЕР ОПЕРЕТТЫ

Кажется, конфрансье Даминский очень кстати попути-тил на этом вечере, назвав «Роз-Мари» «самой новой и малоизвестной опереттой».

«Веселая вдова», «Корневильские колокола», «Сильва», «Марица», «Перикола», «Граф Люксембург»... Нового в концертном репертуаре артистов Московской оперетты действительно оказалось мало. Зато «старое», за небольшим исключением, было представлено в отличных образцах, прекрасно рекомендуемых искусством прославленных создателей опереточного жанра.

Концерт явился по преимуществу вечером традиционного искусства, а это означало прежде всего успех такой мастерицы опереточной сцены, как Клавдия Новикова. В даровании артистки сочетаются великодушные качества — большой голос, темперамент, артистичность, умение «найти себя» во многих амплуа. Последнее, пожалуй, особенно ценно в Новиковой, ибо далеко не каждая опереточная артистка может с одинаковым успехом играть партии героинь и характерных персонажей. Прекрасно звучат в передаче артистки арии из «Веселой вдовы», «Корневильских колоколов», «Марицы», «Сильвы», «Пейни». Все здесь отточено, взвешено, продумано — каждая интонация, каждый жест. И впечатление складывается полное, законченное, как о музыкально-оценоческих образах, сделанных талантливо, уверенно, смело. Одна только спорная черта характеризует искусство артистки. В арии «Частичка чорта в нас» из «Сильвы» Новикова совершенно напрасно сгущает эмоциональные краски, доводя выразительность до экстаза, до явного преувеличения. Нарочитость, грубоватость этого приема очевидна, она снижает художественный уровень исполнения. Некоторого смягчения акцентов требует также сцена опьянения из «Периколы». И потом едва ли стоило включать в репертуар арии из оперетт «Стрекоза и муравей», «Катя-танцовщица» и «Королева бриллиантов». Право же, они не блещут ни текстом ни музыкой.

Тонким, многословным инструментом владеет талантливый артист Володин. Этот инструмент — юмор, блестящая комедийная форма. В каждом своем намерении Володин ограничен, находчив, изобретателен. Тут нет неудачных деталей, нет потуг рассмешить зрителя. Смех возникает сам по себе, ибо все симпатии сразу явруг оказываются на стороне актера, любое его движение, любая интонация принимаются зрителем безоговорочно. Текст и задача роли служат в искусстве Володина только схемой. На первом плане всегда оказывается многогранный комедийный талант актера. Именно он наполняет схему жизнью, характерностью, причудливостью — всем, что так искренне увлекает и смешит зрителя. В сцене из «Ночных пауков» Володин неподражаемо рисует образ старого ловеласа. Чего стоит хотя бы его танец, исполняемый с наивной старательностью, с таинственными пришептываниями и заклинаниями, долженствующими оказать неотразимое воздействие на «даму сердца». Менее удачен скетч «Великая тайна», но кажется не по вине актера. Крики роженицы за сценой — очень грубая, неуместная деталь, на которой, к сожалению, построена почти половина скетча Тихонова.

Мягко, музыкально, выразительно исполняют артисты Власова и Гедройц сцены и дуэты из оперетт «Золотая долина», «Граф Люксембург», «Жизнь актера». Артист Кулаков выступает на сочинской сцене вторично. Но так же, как и в концерте с Региной Лазаревой, его искусство хорошего впечатления не оставило. Искренности, прочувствованности в интерпретации актера нет.

В конфрансье Даминского есть отдельные удачные репризы и приемы, но нового, увя, маловато. И «рассказ в 25 частях», и рассуждения о «жанрах хороших, но не скучных», и «шаловливое дурачество» — все это зритель слышит со сцены из уст самого же т. Даминского уже не первый год.

Д. М.-ч.